

Глава 4

Когда Оуян Юйюань приехал в городскую больницу, Му Цзяцзюнь одиноко сидел у операционной. Взгляд у него был ясный, похоже, он выпил немного, но выглядел он растрёпанным, а на одежде виднелись пятна крови.

— Ты ранен? — спросил Оуян Юйюань.

— Нет, — Му Цзяцзюнь опустил взгляд на кровь на своей одежде и с досадой взъерошил волосы.

Если не его, значит, Ли Юнькая. Оуян Юйюань всё понял и продолжил расспросы:

— Как это случилось? Вы в баре с кем-то подрались?

— Нет...

Му Цзяцзюнь всё ещё не хотел говорить, но Оуян Юйюань не отставал:

— Тогда что? Юнькая же не могли избить просто так. Что вы натворили...

Он замолчал на полуслове. Му Цзяцзюнь что-то скрывал, отводил взгляд, и до сих пор не сообщил семье Ли... Оуян Юйюаня внезапно осенило:

— Это из-за тебя!

Он смутно припомнил, что тот актёр массовой культуры говорил что-то о «пострадать из-за другого». Неужели и это сбылось?

Му Цзяцзюнь молчал, что было равносильно признанию.

Оуян Юйюань: «...»

Через некоторое время Му Цзяцзюнь, видимо, поняв, что скрывать бесполезно, сдался и выложил всё как на духу:

— Когда я с ним познакомился, он не говорил, что его кто-то содержит! А потом его спонсор пригрозил, что проучит меня. Я вас позвал, чтобы посоветоваться, как найти кого-нибудь, чтобы уладить это...

Оуян Юйюань сразу понял, что спонсор — из их круга, а Му Цзяцзюнь просто не смог удержать ширинку на замке и влип в неприятности.

— Ну и дела! Те люди изначально хотели разобраться со мной, но Юнькай влез разнимать и случайно получил за меня.

Оуян Юйюань снова промолчал.

Вспомнив, что Му Цзяцзюнь сегодня сначала звал его, он разозлился:

— Ты знал, что у тебя проблемы, и всё равно позвал нас выпить?

Что за человек? Влип в неприятности и не мог вести себя потише?

Он понимал, что Му Цзяцзюнь не хотел впутывать семью в свои амурные дела, но ему же ясно сказали, что его проучат, а он всё равно попёрся на улицу. Боялся, что его не найдут?

— Я... мне просто дома сидеть надоело! — Му Цзяцзюнь снова взъерошил волосы. Было видно, что он очень переживает из-за ранения друга.

— А теперь не надоело, да? — Оуян Юйюань закатил глаза, но, подумав, всё же вздохнул и сказал: — Я тоже виноват. Я сегодня гадал, и мне сказали, что в течение трёх дней нельзя выходить из дома, иначе пострадаю из-за другого, и будет кровавая беда... Я и подумать не мог, что виновником будешь ты!

Му Цзяцзюнь ахнул:

— Что, ты знаком с таким сильным мастером? Почему раньше не сказал!

В отличие от Оуян Юйюаня, который ещё в средней школе уехал с родителями за границу, Му Цзяцзюнь давно слышал о мастерах Сюаньмэнь, но обычным людям к ним не попасть, и у него никогда не было возможности познакомиться. Услышав, что тот мастер, похоже, действительно обладает способностями, он не мог не разволноваться.

Оуян Юйюань отвёл взгляд и виновато пробормотал:

— Он такой молодой, откуда я знал, что он не врёт!

К тому же, он думал, что если будет осторожен, то ничего не случится. Кто же знал, что будут такие последствия?

Му Цзяцзюнь не расслышал, но и не стал переспрашивать, лишь осторожно посмотрел на Оуян Юйюаня:

— К этому мастеру трудно попасть? Может, ты меня с ним познакомишь, мы ходим к нему ещё раз?

Он помнил, что его проблемы ещё не решены.

Трудно ли попасть к гадалке? Да нет... Теперь он понимал, что две тысячи за его безопасность — это просто смешная цена!

Оуян Юйюань и сам хотел поблагодарить его, поэтому не стал отказывать Му Цзяцзюню, а лишь сказал:

— Ты лучше подумай, как будешь звонить семье Ли.

Му Цзяцзюнь: «...»

На следующий день были выходные, и Чу И с самого утра сел на автобус до соседнего уезда.

Родная деревня его прежнего тела, Чучжуан, находилась в уезде Луцзян, недалеко от киногорода. Сначала на междугороднем автобусе, потом на местном — всего полдня пути.

Остановка деревенского автобуса находилась у въезда в деревню. Чу И вышел и, не пройдя и ста метров, наткнулся на нескольких сорванцов, которые стали кидать в него комьями жёлтой глины, крича «приёмш» и «ублюдок».

Чу И был ловок и тут же увернулся. Но прежде чем дети разбежались, он узнал в самом высоком и крепком беззубом заводиле сына младшего сына своего двоюродного деда. По старшинству тот должен был называть его дядей.

Кто же его научил так издеваться над своим двоюродным дедом?

Чу И не питал тёплых чувств к сорванцам, но и гоняться за ними с руганью не стал. Если семья не может их воспитать, то общество научит.

Дом семьи Чу находился недалеко от въезда в деревню. Пройдя несколько сотен метров, Чу И вошёл во двор и увидел, что в доме царит оживление, а на столе, хотя ещё не было время обеда, уже стояло множество блюд.

Оказалось, что Чу Дачжи, студент третьего курса, приехал на выходные со своей девушкой, и

дядя с тётёй радушно её принимали.

Увидев Чу И, улыбка на лице тёти мгновенно исчезла:

— Ты чего вернулся?

А вот девушка Чу Дачжи, Яо Кэ, вежливо спросила:

— А это...

— Это двоюродный брат Дачжи, — поспешно ответил дядя. — Иногда приезжает навестить дедушку с бабушкой, но здесь не живёт.

Бабушка уже подскочила и схватила Чу И за рукав, словно боясь, что он скажет что-то лишнее, и подтвердила:

— Да, он здесь не живёт.

Чу И усмехнулся, но спорить не стал.

Двоюродные братья были похожи на семьдесят процентов, только Чу Дачжи был более холёным, а Чу И — более худым и загорелым, хотя при ближайшем рассмотрении черты лица у Чу И были более выразительными.

Яо Кэ примерно догадалась, в чём дело, но поскольку дядя не назвал имени, она не знала, как к нему обратиться, и лишь с улыбкой кивнула:

— Привет, меня зовут Яо Кэ, я девушка Дачжи.

Она держалась с достоинством, взгляд у неё был ясный и чистый. По сравнению с семьёй Чу, у которых на лице была написана одна лишь расчётливость, она казалась глотком свежего воздуха.

Чу И она понравилась, и он тоже улыбнулся:

— Привет.

Бабушка, увидев это, нахмурилась и потащила Чу И на кухню:

— И-эр, раз уж ты приехал, пойдём поможешь бабушке на кухне, у меня к тебе разговор есть.

Тётя, поняв намёк, подумала, что после обеда можно будет свалить на Чу И мытьё посуды и уборку, и её настроение тут же улучшилось.

Она знала, что свекровь позвала Чу И на кухню, чтобы вытянуть из него деньги. Но она не торопилась. Её сын привёл домой девушку, так что дедушка с бабушкой должны были что-то подарить. А эти деньги в итоге всё равно достанутся её сыну!

Чу И стоял на месте:

— Еда же уже готова. Если ещё готовить, на стол не поместится.

Он беззастенчиво подошёл и сел за стол, приглашая бабушку:

— Бабушка, садись скорее, давай обедать.

Ах ты, паршивец, крылья распустил, даже её слова не слушаешь!

Лицо бабушки, и без того недоброе, скривилось, но из-за присутствия девушки Дачжи она не решилась, как раньше, разразиться бранью.

Сестра Чу Дачжи, Чу Сыхуэй, которой не нравилось, что всё внимание достаётся девушке брата, ехидно поддакнула:

— Вот именно, сколько ни готовь, не факт, что оценят. Так стараетесь, будто мой брат себе жену найти не может!

— Чу Сыхуэй!

— Сыхуэй, как ты разговариваешь?

Голоса Чу Дачжи и дяди прозвучали почти одновременно. Но Чу Дачжи при этом смотрел на свою девушку, а дядя бросил на Чу И злобный взгляд, а затем быстро сменил выражение лица на улыбку:

— Кэ-кэ, не обращай внимания на Сыхуэй. А Чу И... его родители рано умерли, мы его плохо воспитали. Ты впервые у нас в гостях, мы должны быть гостеприимны, иначе ты расскажешь своим родителям, и они подумают, что мы не ценим нашу будущую невестку.

Яо Кэ пока что просто встречалась с парнем и впервые приехала к нему в гости, о замужестве она ещё не думала. Но она не могла возразить родителям парня и лишь смущённо опустила голову и улыбнулась.

Дядя, увидев это, обменялся взглядом с Чу Дачжи. Он знал, что сын ещё не завоевал Яо Кэ, и этот взгляд означал: «Она уже у нас дома, будь сообразительнее».

Дачжи вернулся и рассказал ему, что у Яо Кэ семья занимается бизнесом. Они уже купили ей квартиру в Пекине. Если его сын женится на Яо Кэ, он сможет остаться в столице и устроиться в жизни.

Чу Дачжи всё понял и взглядом ответил: «Не волнуйся».

Чу И заметил это и, вспомнив, как они отобрали у его прежнего тела дом, всё понял. Эта девушка Яо Кэ была слишком наивна. Наверное, приехала сюда, не посоветовавшись с родителями.

Что ж, повезло ей, что она встретила его, иначе её бы обглодали до костей!

Чу И не знал, что такое скромность. Он ел лучшие куски мяса и самые вкусные блюда. Бабушка несколько раз косо на него посмотрела, но он сделал вид, что не замечает.

Раньше его прежнее тело выполняло самую тяжёлую работу, а за столом его ещё и ругали за то, что он невоспитанный. С детства он не смел есть досыта, а за последние два года работы он отдавал им все деньги до копейки. Почему бы ему сейчас не поесть?

После обеда Чу Дачжи под предлогом показать Яо Кэ окрестности увёл её из дома.

Чу Сыхуэй скривила губы и тоже пошла за ними. Ей было интереснее попытаться рассорить брата с этой женщиной, чем смотреть, как старшие эксплуатируют двоюродного брата!

Как только Яо Кэ скрылась за дверью, бабушка нетерпеливо начала:

— И-эр...

Она хотела спросить, что хорошего Чу И привёз на этот раз, заработал ли денег, но тут заметила, что он приехал с пустыми руками, если не считать маленького рюкзака.

Бабушка расстроилась, но тут же подумала, что можно взять и деньгами.

Она уже собиралась по старой привычке начать жаловаться на бедность и просить денег, но Чу И опередил её, неожиданно спросив:

— У дяди только двое детей, брат и Сыхуэй? А мне кажется, что должно быть трое.

<http://bllate.org/book/13426/1195322>